

никах. Возможно, ее и нет, но, может быть, в дальнейшем мы ее определим.

Библиография

Бутанаев В.Я., Монгуш Ч.В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан, 2005.

Ильминский Н.И. Киргизско-русский словарь [из материалов Н.И. Ильминского]. Оренбург, 1897.

Казбеков Ю. Метеорологические заметки // Туркестанские ведомости. 1876. № 9. С. 32.

Аноним [Крижанич Ю.?] История Сибири // Титов А. Сибирь в XVII в.: Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. С приложением снимка старинной карты Сибири. М., 1890.

Лыкошин Н.С. «Кар-хат» и «кар-ягды» // Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане: Очерки быта туземного населения. Пг., 1916.

Пантусов Н.Н. Материалы к изучению наречия таранчей Илийского округа. Казань, 1901. Вып. 7. Таранчинский снотолкователь (текст и перевод).

Поляков П.А. Снотолкователь, приписываемый мусульманами ветхозаветному патриарху Иосифу, сыну Иакова (Джангарский текст, русская транскрипция и русский перевод / Под ред. Н.Ф. Катанова. Казань, 1901.

Потапов Л.П. Из ранних форм семьи и религиозных представлений (Обычай дарения убитого лебедя у хакасов) // СЭ. 1959. № 2.

Хорошхин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876.

Яворский И.Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухаре в 1878–1879 гг. СПб., 1883. Т. II.

Ю.М. Ботяков

ПРАЗДНОВАНИЕ АЖЫРА-НЫХЭА В АБХАЗСКОМ СЕЛЕНИИ ЛЫХНЫ

Описание праздника *ажыра-ныхэа* (в Бзыбской Абхазии широко распространено также название *хечхуама*) — «моление кузне» — у абхазов в этнографической литературе представлено достаточно полно. На сегодняшний день сформирован значительный корпус эмпирического материала (Аджинджал 1969; Джанашиа 1960; Кукбая 1926), который содержит описание локальных особенностей ритуала, а также фиксирует изменения, произошедшие с ним за прошедшие два века. Кроме того, мы имеем

возможность познакомиться с аналитической интерпретацией накопленных сведений. Одним из примеров серьезного научного анализа этого праздника является статья В.Г. Ардзинба «К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов)».

Тем не менее значительная локальная и временная вариативность, отличающая праздник «моление кузне», будет требовать постоянного к нему обращения для фиксации материала и как следствие новой его интерпретации. В январе 2007 г. нам была предоставлена возможность наблюдать проведение обряда на территории Бзыбской Абхазии — в селении Лыхны Гудаутского р-на в фамильной кузнице (кузне). В настоящее время дата с 13 на 14 января рассматривается подавляющим большинством абхазов как «главный» новогодний праздник. Новогодняя ночь с 31 декабря на 1 января также празднуется, но ее значение не идет в сравнение с первой из названных дат. Не будет большой ошибкой сказать, что празднование Нового года (с 31 декабря на 1 января) для абхазов аналогично традиции встречи так называемого «старого нового года», сложившейся в России, которую можно обозначить как «неофициальный Новый год». Главным обрядом, оформляющим приход нового года для абхазов, является обряд «моление кузне». При этом далеко не каждая абхазская семья или *абипара* (патронимия) имеет кузню, которая в настоящее время является исключительно культовым местом.

В проведении праздничной новогодней обрядности современное население Абхазии распадается на несколько неравных по численности частей: 1. Часть населения, которая проводит в этот день обряд «моления кузне» в родовой кузне. В современной Абхазии это незначительная часть населения. 2. Часть населения, проводящая обряд в семейной кузне, превышает по численности первую. 3. Как нам представляется, подавляющая часть населения, которая не участвует в данной обрядности, не имея кузни.

Главный новогодний обряд традиционно не имел и не имеет жесткой временной фиксации, единой для всей Абхазии. Согласно Н.Я. Марру, у бзыбцев (в западной части Абхазии), в частности в с. Лыхны, он начинался в канун Нового года и длился два-три дня, а в Абжуе (центральная часть Абхазии) — между Рождеством и Новым годом (Ардзинба 1988: 289). Особенно в этом отношении можно отметить представителей фамилии Ченгелия, которые «молилась Шашвы в великий четверг» (Маан и др. 2006: 478–479). А дата проведения обряда, например в фамилии Хеция из селения Калдахвара, традиционно «плавающая». Этот обряд отмечается членами фамилии по понедельникам и четвер-

гам. Поэтому если 13 января приходилось, например, на вторник, то проведение обряда переносилось на четверг.

В настоящее время проживающие в селении Лыхны четыре семьи фамилии Дзидзария, образующие одну *абипару*, совместно проводят обряд *ажьира-ныхэа* в своей родовой кузне. Сбор всех членов *абипары* для проведения обряда происходит в доме одного из братьев, на участке которого и располагается кузня. Именно он считается старшим во время проведения обряда, несмотря на то, что из четырех глав семей он третий по старшинству. По-прежнему строго соблюдается правило, согласно которому на проведение обряда допускаются только представители своей *абипары*. Представители чужих родов — жены и невестки — остаются дома. «Моление кузне» традиционно является одним из закрытых ритуалов, к проведению которого не допускались не только женщины чужих родов, но также и посторонние мужчины, например соседи. В этой связи отметим, что наше присутствие не вызвало у присутствующих негативной реакции, что красноречиво говорит о размывании ритуала.

В настоящее время кузни в Абхазии как культовое место оборудованы однотипно. Это небольшое помещение, способное вместить не более 10 человек; односкатную крышу и стены кузни образуют листы шифера, прикрепленные к деревянному каркасу. Кузня имеет три стены — заднюю и две боковые. Четвертая сторона, так называемый «рот кузни», открыта и ориентирована на восток. Внутри вдоль стен находится стол, предназначенный для ритуальной пищи, и низкая скамья, на которой в новый год располагаются члены семьи. Посредине кузни стоит деревянная плита с закрепленной на ней небольшой наковальней, которая вместе с находящимися здесь же молотком и клещами (так называемые «три руки») предназначена исключительно для проведения ритуала и является сакральными предметами.

Кузня фамилии Дзидзария выделяется на общем фоне подобных культовых сооружений рядом самобытных черт. Во-первых, она является прямой «наследницей» кузнечной мастерской, которой владел в XIX в. один из представителей этого рода Капыт Дзария, имевший до 12 учеников-подмастерьев. Наследники Капыта Дзария, несмотря на то, что с течением времени кузня не раз меняла «стены», рассматривают современное строение как абсолютно аутентичное. Сохранить его без разрыва преемственности, сам «дух» прежнего сакрального места, могла позволить только регулярная культовая практика.

Конструктивно это прямоугольное в плане обшитое листовым железом каркасное сооружение, площадь которого равняется

приблизительно 12 кв. м. Крыша кузни двускатная, высота в коньке достигает ориентировочно 3 м. Таким образом, обычная современная кузня значительно уступает по размерам родовой кузне Дзидзария, которая может вместить 40 человек — приблизительное число членов *абипары*.

Внутреннее оборудование данной кузни также значительно отличается от подобных культовых мест. В центре кузни установлен большой квадратный стол, посередине которого расположена наковальня. В отличие от наковален из обычной семейной кузни она не имитационная, а использовалась в прошлом в кузнечном производстве. Здесь же на столе находятся самые разнообразные изделия из железа — старые лезвия для мотыги соседствуют со слесарными тисками, штыком, печной заслонкой и др. предметами. На поверхности наковальни и одного из металлических изделий участниками ритуала были установлены две связки свечей по семь штук в каждой. Свечи, скрепленные между собой бинтом только у основания, расходятся в разные стороны, напоминая внешним видом крону дерева. На изготовление этих свечей идет воск, собранный из долей всех четырех домохозяйств *абипары*. Традиционно свечи посвящаются семи главным абхазским святилищам.

Над столом кузни подвешена конструкция, представляющая собой три расположенных один над другим железных обруча различного диаметра. Обручи крепятся между трех цепей, верхние концы которых закреплены в балке. Данная конструкция, образуемая внешними контурами — цепями и обручами — конус, типологически близка церковному паникадилу, так как к плоскостям обруча участники обряда крепят свечи по одной на каждого члена *абипары*.

Принесенная с собой жертвенная пища — по одному вареному петуху на каждого члена *абипары*, печеные круглые хлебцы, красное и белое вино в кувшинах — занимали всю остальную поверхность стола. Расположение участников обряда в кузне выглядит следующим образом. Самые важные фигуры ритуала — главы семейств — находились по противоположную от входа сторону стола. Самый старший по возрасту мужчина *абипары* стоял у края стола, по правую от него сторону стоял второй по старшинству глава семьи, далее рядом с ним — хозяин кузни. Последний, четвертый глава семьи стоял справа от хозяина кузни. Остальные участники расположились слева, справа и напротив от центральных фигур ритуала. Находящиеся в кузне женщины в основном группировались в левой от входа части помещения.

Несмотря на присутствие хозяина кузни, руководил ритуалом (произнесение главной молитвы божеству кузни Шашвы) старший по возрасту мужчина. При этом он единственный из присутствующих мужчин находился в головном уборе — невысокой папахе из черного каракуля. Имея в виду, что подобные головные уборы вышли из практики повседневного употребления, папаха была надета явно по случаю проведения ритуала. Согласно информации, поступившей от самого хозяина кузни, место, где он стоял (центральное, напротив входа), является наиболее почетным — его он занимал как главное лицо ритуала — хозяин кузни. Вопрос, тем не менее, остается открытым, так как расстановка главных участников ритуала была организована по обычному для этого случая сценарию, когда более младшие располагаются по нисходящей по правую от молящегося сторону. И в нашем случае этот принцип не был нарушен.

Несмотря на то, что самый старший из представлявших *аби-пару* мужчин произнес общую молитву, каждый из трех глав других семей сотворил молитву от лица своих близких, и в известном смысле их можно рассматривать как сомолеельщики. В дальнейшем после обязательных молитв, зажигания свечей старший в роду произносил благопожелания в адрес каждого из собравшихся. Для этого все принесенные петухи поочередно насаживались на фундуковую палочку, на острие которой затем накалывался хлебец. Каждому взрослому участнику наливался стакан вина и предлагался кусочек мяса и хлеба.

В кузне во время обряда среди присутствующих установилось скорее неформальное, праздничное настроение (проявляющееся, в частности, среди молодежи периодическими вспышками подавляемого смеха), чем состояние религиозной сосредоточенности, столь характерной во время молитвы в храме. В конце 1980-х гг., когда тема атеистического воспитания оставалась еще актуальной, М.Б. Квициния писал, что соблюдение абхазской молодежью таких сохраняющих национальную форму религиозных обрядов, как *ацуныхэа*, *хъачхуама*, *акурбан* и др., «истолковывается как выражение национальной самобытности» (Квициния 1988: 165). Тогда цитируемый нами автор видел в этом опасность «проникновения» религии в сознание молодежи. Сейчас, как нам представляется, религиозная составляющая *хечхума* ощутимо утрачена, и носителями культуры обряд осмысливается именно как выражение культурной самобытности.

Библиография

Аджинджал И.А. Из этнографии Абхазии: Материалы и исследование. Сухуми, 1969.

Ардзинба В.Г. К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов) // Древний восток. Этнокультурный связи. М., 1988.

Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960.

Квициния М.Б. Особенности проявления религиозности у части современной абхазской молодежи // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986–1987 гг.: Тезисы докладов. Сухуми, 1988.

Кукбая Ал. Как абхазцы встречают Новый год — «Хечхома» // Трудовая Абхазия. Сухум-кале, 1926. 14 января. № 10.

Маан О.В. Абжуа. Историко-этнографические очерки Очамчирского района Абхазии. Сухум, 2006.

М.-З.Ю. Курбанов

ЛЕТНИЕ КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ БУРКУН-ДАРГИНЦЕВ

Календарные праздники принадлежат к тем компонентам духовной культуры, которые характеризуются относительной независимостью от формационных сдвигов в развитии общества. Экспедиционные исследования последних лет в Буркун-Дарго (историко-этнографический район расселения даргинцев) выявили сравнительно высокий уровень сохранности календарных традиций. Однако здесь, как и в других регионах Дагестана и Кавказа в целом, речь идет не столько о реальном бытовании, сколько о глубине «фольклорной памяти». Обычно подобные праздники превращаются в концерты самодеятельных коллективов или театрализованные концертные представления (народный театр с. Худуц).

Буркун-даргинские летние календарные праздники главным образом обусловлены наличием определенного количества свободного от напряженных полевых работ времени в период хозяйственного межсезонья.

В селах Ашты, Кунки и Худуц в начале лета организовывали молодежные *праздники черемши*. Задолго до рассвета девушки и молодые женщины с лучшей едой и песнями отправлялись в определенное традицией место. Нарвав черемши и цветов, девушки встречались с юношами, выезжавшими им навстречу с музыкой и с хурджунами, наполненными едой.